

Глеб СТАШКОВ

ОКНО
ИСТОРИЮ

АВГУСТЕЙШИЙ БУНТ:

Дом Романовых
накануне революции

bhv®

Глеб СТАШКОВ

АВГУСТЕЙШИЙ БУНТ:

**Дом Романовых
накануне революции**

Санкт-Петербург

«БХВ-Петербург»

2013

УДК 929
ББК 63.3
С78

Сташков Г. В.

С78 Августейший бунт: Дом Романовых накануне революции. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013. — 320 с. — (Окно в историю)

ISBN 978-5-9775-0893-3

Автор книги увлекательно пишет о последних Романовых, делая акцент на конфликтах в императорском доме, где политика и борьба за влияние тесно переплелись с личными обидами и ссорами. Пытается найти ответ на вопрос, почему накануне отречения от престола Николай II оказался в одиночестве, хотя у царя были многочисленные родственники, и почему одни члены царской семьи плели заговоры и замыслили убийство других.

Для широкого круга читателей

УДК 929
ББК 63.3

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Екатерина Капалыгина</i>
Редактор	<i>Екатерина Крюкова</i>
Компьютерная верстка	<i>Ольги Сергиенко</i>
Корректор	<i>Зинаида Дмитриева</i>
Дизайн серии	<i>Марины Акининой</i>
Оформление обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>

Подписано в печать 29.12.12.

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.

Тираж 2500 экз. Заказ №

"БХВ-Петербург", 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

Первая Академическая типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-0893-3

© Сташков Г. В., 2013

© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2013

Оглавление

Предисловие.....	4
Глава I. Начало разлада.....	6
Глава II. В большом респекте	25
Глава III. Две императрицы	49
Глава IV. Дяди у трона.....	72
Глава V. От Ходинки до Цусимы	98
Глава VI. Первый звонок.....	128
Глава VII. Любовь и верность.....	154
Глава VIII. И ты, брат!	178
Глава IX. Полковник против генералиссимуса	195
Глава X. Фронда принцев	231
Глава XI. Их высочества строят заговор	266
Глава XII. От красного банта к норильскому никелю.....	306

Предисловие

В марте 17-го года, подписывая отречение, Николай II был в полном одиночестве. Никто не пришел к нему на помощь. «Кругом измена и трусость и обман», — записал он в дневнике.

Политики, генералы — этих еще можно понять. Но у царя были родственники, в числе которых более десятка великих князей — военных в генеральских чинах. Ни один из них палец о палец не ударил, чтобы спасти своего императора.

Как же так вышло? Почему люди, которым сам Бог велел защищать существующий строй, в решающие дни остались в стороне?

Почему в феврале 17-го из шестнадцати великих князей четверо находились в ссылке?

Как брат царя Михаил Александрович стал героем книги жандармского генерала Герасимова «На лезвии с террористами»?

«Когда-нибудь романист, обладающий талантом Золя, изберет историю последних Романовых в качестве сюжета для большого романа-хроники, и это будет произведением не менее замечательным, чем "История Ругон-Маккаров"», — мечтал великий князь Александр Михайлович.

Не претендуя на талант Эмиля Золя, я решил написать книгу о последних Романовых. В наше время пишут о них

немало. Почти всегда — в восторженных тонах: и Николай II был замечательным человеком, и его жена, и его мать, и великие князья.

Остается загадкой, почему накануне революции одни замечательные люди плели заговоры и замыслили убийство других замечательных людей.

Если разобраться, окажется, что с конца царствования Александра II императорскую фамилию непрерывно раздирали противоречия. Политические, династические, личные. При жестком Александре III недовольство не выходило наружу, при мягком Николае II скандал следовал за скандалом.

Конфликты в императорском доме — это тема моей книги. Конфликты были самыми разными. Политика и борьба за влияние тесно переплетались с личными обидами и ссорами. Я старался не упустить ничего.

В общем, не люблю длинных предисловий.

Глава I

Начало разлада

Если посмотреть на жизнь императорской семьи, бросается в глаза одна закономерность. Консервативно настроенный император — Николай I, Александр III или Николай II — обязательно примерный семьянин. Как только царь — реформатор, в семье непременно разброд и шатания.

Петр I отправил свою первую супругу в монастырь. Александр I, по язвительному замечанию Герцена, любил всех женщин, кроме жены. Александр II искренне любил одну женщину, но тоже «кроме жены».

Наверное, эта закономерность не случайна. Все-таки семейные ценности — основа консервативной идеологии. Естественно, при архиконсервативном Николае I в императорском доме царили мир и спокойствие.

Строго говоря, царь не был таким уж примерным семьянином. «Он имел любовные связи на стороне — какой мужчина их не имеет», — несколько легкомысленно пишет фрейлина двора баронесса Мария Фредерикс. Более того, его любовница Варвара Нелидова жила прямо во дворце. Но «все это делалось так скрыто, так благородно, так порядочно», что «никому и в голову не приходило обращать на это внимание»¹.

¹ Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Тайны царского двора (Из записок фрейлин). М., 1997. С. 295.

Делалось это, видимо, не так уж скрыто, если знали фрейлины, и, возможно, не так уж благородно и порядочно, но безусловно одно: никому и в голову не могло прийти осуждать Николая I. Для семьи он был таким же самодержцем, как и для всей страны. Жена безропотно ему подчинялась, да и император относился к ней нежно и почтительно. Младший брат Михаил искренне считал, что цель его жизни — во всем помогать старшему брату. Дети благовели перед отцом и, прямо скажем, его побаивались.

Николай I был строг как к себе, так и к окружающим. Скажем, наследник престола мог запросто угодить под арест за какую-нибудь ошибку на параде. Николай I контролировал даже книги, которые читали его дети. Например, наследнику Александру Николаевичу, взрослому человеку, имевшему собственных детей, не разрешалось читать «Записки» Екатерины II, поскольку отец считал их аморальными и безнравственными. Дело-то, конечно, было в другом. В своих записках Екатерина недвусмысленно намекает, что Павел I родился не от законного супруга, а от графа Салтыкова. Из-за подобных откровений, ставивших под сомнения права Романовых на престол, воспоминания императрицы и были зачислены в разряд нелегальной литературы. Впрочем, их читала дочь Николая — Мария Николаевна. Она вообще была единственным человеком в семье, которая не боялась отца. (Для нее в Петербурге был построен Мариинский дворец, где сейчас заседают депутаты местного Законодательного собрания, проявляющие гораздо меньше строптивости, чем любимая дочь грозного самодержца.)

«Порядок и дисциплина» — девиз Николая I. Будущее детей было расписано как по нотам: Александр станет императором, Константин будет командовать флотом, Николай — кавалерией, а Михаил — артиллерией. Все ясно, все четко.

Александр II ослабил вожжи, дав некоторую свободу стране, и она тут же пошла вразнос. Та же история повторилась в семье.

Любопытно посмотреть на имена, которые давали своим детям великие князья. Николай I свято чтит память отца — Павла I. У Павла было четыре сына — Александр, Константин, Николай и Михаил. У Николая I тоже было четыре сына, и имена им он давал в той же последовательности, что и отец: Александр, Константин, Николай и Михаил. Все четверо назвали своих старших сыновей в честь отца — Николаями. А вот сыновья Александра II такой почитательностью к отцу уже не отличались. Александр Александрович назвал своего первенца в честь деда — Николаем, а Владимир Александрович и вовсе Кириллом (младшие сыновья Александра II детей, по крайней мере законных, не имели).

Самые сложные отношения сложились у Александра II со своим вторым сыном — Александром, который после внезапной смерти старшего брата в 1865 году стал наследником престола. В том же году у Александра Александровича случился роман с фрейлиной Марией Мещерской. Настолько пылкий, что 20-летний Александр, пожалуй, единственный раз в жизни решился на безумство. Он хочет отречься от престола и жениться на своей возлюбленной. Александр II, естественно, ни о чем таком даже слышать не желает. Но сладить с сыном оказалось не так просто, и император, по словам близкого к царской семье графа Шереметева, «сжался и несколько отдалился от него»². Действительно, сын обладал гораздо более твердым характером, чем отец. Хотя с женитьбой на Мещерской, конечно, ничего не вышло.

В 1865 году случилось еще кое-что, повлиявшее на отношения императора и наследника. Александр Александрович близко сошелся со своим учителем Константином Победоносцевым. С этого времени тот стал его постоянным советником и наставником. Победоносцев был человеком умным, образованным, красноречивым. Его политические взгляды — это консерватизм, доведенный до крайности, почти

² Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 418.

до абсурда. Россию он называл ледяной пустыней, по которой ходит лихой человек. Стоит только слегка разморозить — и все рухнет. Поэтому ничего менять не нужно, любые реформы сделают только хуже. Особую ненависть он питал к западноевропейскому парламентаризму, который называл «великой ложью нашего времени». Разумеется, Победоносцев не сочувствовал либеральным реформам Александра II и своему ученику внушал такое же отношение к ним. К концу 60-х у наследника сложилась своя система взглядов, весьма далекая от взглядов отца: национализм, упор на особый, в корне отличный от Европы, путь развития.

Между отцом и сыном росло недоверие. Александр Александрович знал, что его личная переписка перлюстрируется III отделением. Наследник собирает вокруг себя противников реформ, создает что-то вроде оппозиционной партии.

Еще одной причиной ссоры «отцов и детей» стал роман императора с княжной Екатериной Долгорукой, который начался все в том же злосчастном 1865 году и продолжался до самой смерти Александра II. Это увлечение уже не воспринималось как благородное и порядочное. Особенно негодовал наследник Александр Александрович.

Во-первых, женившись, он превратился в примернейшего семьянина, любящего мужа и отца. Во-вторых, цесаревич обожал свою мать — Марию Александровну. «Папб мы очень любили и уважали, — писал он в письме к жене, — но по роду своих занятий, заваленный работой, он не мог нами столько заниматься, как милая, дорогая Мамб. Еще раз повторяю: всем, всем я обязан Мамб, и моим характером, и всем, что есть!»³ Связь отца с княжной, которая была на 30 лет моложе Александра II и на два года моложе самого цесаревича, оскорбляла его до глубины души.

В конце 70-х Россию потряс революционный кризис. «Народная воля» устроила настоящую охоту на царя, поку-

³ Вербицкая Т. Несостоявшийся император. Великий князь Николай Александрович (1844—1865). М., 2010. С. 33.

шения следовали одно за другим. Либералы открыто требовали конституции, а втайне сочувствовали революционерам⁴. Власть потеряла всякую опору в обществе. Казалось бы, общая опасность должна была сблизить царя и наследника. Ничего подобного. Их отношения, наоборот, резко ухудшились.

В окружении Александра II все чаще говорят о конституции. В окружении Александра Александровича все чаще говорят о неспособности царя справиться с ситуацией. Победоносцев уже не просто брюзжит на либеральные реформы, а нападает (не публично, конечно, а в частной переписке) лично на Александра II: «он жалкий и ничтожный человек», «Бог поразил его», «воля в нем исчезла: он не хочет слышать, не хочет видеть, не хочет действовать»⁵. Любой другой, попади это письмо в руки полиции, угодил бы за такие слова в Сибирь.

В 1880 году друзья Александра Александровича — генерал Фадеев и граф Воронцов-Дашков — выступают со своей программой, которую они изложили в книге «Письма о современном состоянии России» и опубликовали за границей. Любопытная деталь: ближайшие друзья наследника престола печатают свою программу за границей, почти нелегально. Фадеев и Воронцов-Дашков нападают на европейский парламентаризм, взамен предлагая «живое народное самодержавие». Правда, с земскими соборами, как в допетровской Руси.

Земские соборы — это важно. Это какое-никакое, а народное представительство. Причем более близкое к европейскому парламенту, чем знаменитая «Конституция Лорис-Меликова», которая заключалась в том, чтобы привлечь

⁴ Об этом прямо пишет будущий вождь кадетов Милюков, учившийся в то время в Московском университете. См.: Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 118.

⁵ Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865—1881 // Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Сб. II. М., 1928. С. 119.

выборных от земств и городов к рассмотрению некоторых законопроектов. Кстати, проект Лорис-Меликова рассматривался в Особом совещании под председательством наследника. И Александр Александрович, согласившись с мнением большинства, тоже его одобрил.

Политические разногласия между двумя Александрями, безусловно, были. Но они сильно преувеличены историками, которые по привычке противопоставляют одно царствование другому. Наследника прежде всего бесила беспомощность власти в борьбе с террористами. А главной причиной ссоры — практически разрыва — между отцом и сыном была вовсе не политика, а чисто семейные дразги.

22 мая 1880 году умерла от туберкулеза жена Александра II — Мария Александровна. В последние годы царь почти не обращал на нее внимание. Придворные, привыкшие держать нос по ветру, тоже отвернулись от больной императрицы. Тем более тут же, в Зимнем дворце, жила Екатерина Долгорукая с тремя детьми, рожденными от Александра II. Мария Александровна умерла ночью, в полном одиночестве. Лишь на утро камер-фрау Макушкина обнаружила бездыханное тело.

Такое отношение к смертельно больной жене, конечно, не делает чести царю-освободителю. Но, как говорится, седина в голову, бес в ребро. Едва похоронив жену, не дожидаясь окончания траура, 62-летний Александр II решил узаконить свои отношения с Екатериной Долгорукой. И даже придумал отговорку: «Я хочу умереть честным человеком и должен спешить, потому что меня преследуют убийцы»⁶. 6 июля в походной церкви Большого Царскосельского дворца они тайно, но вполне законно обвенчались. На церемонии присутствовали только свидетели: со стороны жениха — министр двора граф Адлерберг и генерал Баранов, со стороны невесты — генерал Рылеев и ее близкая подруга Варвара Шебеко, по некоторым данным, тоже имевшая неплатонические отношения с любвеобильным царем.

⁶ Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе // Октябрь. № 5. 1993. С. 118.

В указе Сенату Александр признавал себя отцом троих детей Долгорукой — Георгия, Ольги и Екатерины. Вскоре супруге был пожалован титул светлейшей княгини Юрьевской. Юрьевскими становились и все ее дети.

Александр II обещал до истечения срока траура хранить в тайне свой новый брак, но слово не сдержал. Известие о женитьбе царя произвело больший эффект, чем разорвавшаяся в Зимнем дворце бомба Степана Халтурина. Одно дело роман, пусть даже продолжительный, пусть с детьми, пусть по факту и означающий семейные отношения, но совсем другое — законный брак.

Учреждение императорской фамилии требовало, чтобы браки были равнородными, т. е. с представителями царствующей или владетельных домов. Правда, морганатические (неравнородные) браки допускались, но только с разрешения императора. Можно сказать, что Александр II сам себе разрешил, так что юридически не к чему придраться.

Однако императорскому семейству было не до юридических тонкостей. Придворные и высшие сановники раскололись на две партии — сторонников и противников княгини Юрьевской. Родственники же царя сплоченными рядами выступали против. Если мужчины скрежетали зубами, но сдерживались, то женщины выражали свой гнев не стесняясь.

Жена Константина Николаевича, брата царя, «решительно отказалась» представляться Юрьевской, заявив: «Я с места не тронусь». И действительно не поехала в Зимний, а добилась, чтобы царь с молодой женой сами приехали к ней в Мраморный дворец. «Другие великие княгини последовали примеру своей тетки»⁷. Для нас — не велика проблема, а по понятиям того времени — бунт.

Дочь царя Мария Александровна писала отцу: «Я молю Бога, чтобы я и мои младшие братья, бывшие ближе всех к Мамб, сумели бы однажды простить Вас»⁸.

⁷ Клейнмихель М. Э. Из потонувшего мира. Мемуары. Петроград—Москва, 1923. С. 44.

⁸ Толстая А. А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе // Октябрь. № 5. 1993. С. 122.

Мария Павловна, невестка Александра II, в письме к немецким родственникам тоже не стеснялась в выражениях: «Так грустно, что я просто не могу найти слова, чтобы выразить мое огорчение. Она является на все семейные ужины, официальные или частные, а также присутствует на церковных службах в придворной церкви со всем двором. Мы должны принимать ее, а также делать ей визиты». Собственно, не очень понятно, почему законная жена императора не может присутствовать на ужинах. И совсем странно слышать про церковные службы от Марии Павловны, которая в нарушение всех традиций отказалась принять православие, оставаясь лютеранкой. Впрочем, она пытается объяснить свою неприязнь к молодой жене царя: «Так как княгиня весьма невоспитанна, и у нее нет ни такта, ни ума, вы можете легко себе представить, как всякое наше чувство, всякая священная для нас память просто топчется ногами, не щадится ничего»⁹. Сама Мария Павловна почему-то не задумывается, что русской великой княгине не подобает разносить по всему миру сплетни о супруге русского императора.

О дурных манерах княгини Юрьевской пишет и Победоносцев: «Когда она говорит, как-то странно взмахивает руками, и эти движения вульгарны до крайности и безобразны. Видно по всему, что имея мало даров от природы, она не получила и никакого воспитания. Словом сказать — девка девкой»¹⁰.

Разумеется, к этим свидетельствам нужно относиться крайне осторожно. Все они — из лагеря яростных, непримиримых противников Юрьевской. Вообще-то княгиня закончила Смольный институт, так что вряд ли не имела ни такта, ни воспитания.

Отношение царской семьи к княгине Юрьевской красочно описывает в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович. Его отец — Михаил Николае-

⁹ Кудрина Ю. Мария Федоровна. М., 2009. С. 108—109.

¹⁰ К. П. Победоносцев в 1881 году (Письма к Е. Ф. Тютчевой) // Река времен. Вып. 1. М., 1995. С. 183.

вич — служил наместником на Кавказе, жил в Тифлисе, поэтому Михайловичи стояли как бы в стороне от дворцовых сплетен и интриг. В конце 1880-го они поехали в Петербург — в эпоху бесконечных покушений на Александра II Михаил Николаевич считал своим долгом быть рядом с братом. Уже в поезде дети стали свидетелями неприятной и, вообще говоря, удивительной для их дружной семьи сцены.

Войдя в салон-вагон к Михаилу Николаевичу, «мы тотчас поняли, что между нашими родителями произошло разногласие. Лицо матери было покрыто красными пятнами, отец курил, размахивая длинной черной сигарой, — что бывало чрезвычайно редко в присутствии матери».

Михаил Николаевич сообщил, что в Петербурге им предстоит встретить новую императрицу.

«— Она еще не императрица! — горячо перебила моя мать, — не забывайте, что настоящая императрица всероссийская умерла всего только десять месяцев назад! (Тут Александр Михайлович явно путает: императрица умерла еще раньше. — Г. С.)

— Дай мне кончить... — резко перебил отец, повышая голос, — мы все — верноподданные нашего государя. Мы не имеем права критиковать его решения. Каждый великий князь должен так же исполнять его приказы, как последний рядовой солдат».

Когда Михаил Николаевич сказал, что от второго брака у царя есть трое детей, произошла и вовсе анекдотическая сцена.

«Мы пятеро переглянулись...»

— Сколько лет нашим кузенам? — прервал вдруг молчание мой брат Сергей, который даже в возрасте одиннадцати лет любил точность во всем.

Отцу этот вопрос, по-видимому, не понравился.

— Мальчику семь, девочкам шесть и четыре года, — сухо сказал он.

— Как же это возможно?.. — начал было Сергей, но отец поднял руку.

— Довольно, мальчики! Можете идти в ваш вагон.

Остаток дня мы провели в спорах о таинственных событиях Зимнего дворца. Мы решили, что, вероятно, отец ошибся и, по-видимому, государь император женат на княгине Юрьевской значительно дольше, чем 10 месяцев. Но тогда неизбежно выходило, что у него были две жены одновременно. Причину отчаяния моей матери я понял значительно позже. Она боялась, что вся эта история дурно повлияет на нашу нравственность: ведь ужасное слово "любовница" было до сих пор совершенно исключено из нашего обихода».

Возможно, эта история и вправду повлияла на нравственность Михайловичей: один из них заключит морганатический брак, а трое будут иметь постоянных любовниц.

Александр Михайловичу княгиня Юрьевская понравилась. Поэтому он и описывает ее совсем не так, как другие. Никаких дурных манер или отсутствия воспитания. Скорее наоборот: «Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны великих княгинь и князей», «мне понравилось выражение ее грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос». Она явно нервничает, стесняется. Невольно проникаешься сочувствием к молодой женщине, живущей с любимым человеком в атмосфере всеобщей ненависти и презрения. «Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием»¹¹.

Очень далеко от описания того же Победоносцева: «Красоты в ней не нахожу... Когда она говорит, неприятно слушать. Говорит, едва двигая губами, будто механическая кукла, носовым, глухим, разбитым голосом. Голос этот на меня очень неприятно действовал — он просто противный, отвратительный. Если б возле меня жила в доме особа, так говорящая, я чувствовал бы себя неловко... Не видно, чтоб она держала себя скромно и сдержанно. Она постоянно

¹¹ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 47—50.

вмешивалась — в послеобеденном кружке — в разговор, выпускающая резкие замечания и отзывы...»¹².

Можно, конечно, сказать: на вкус и цвет, мол, товарища нет. Но дело тут не во вкусе. И даже не в цвете лица княгини Юрьевской — единственном, кстати сказать, что Победоносцев в ней одобрил. Для Победоносцева молодая жена царя — прежде всего политический противник. Он считает, что именно она влияет на Александра II в либеральном духе. Так что впечатления 14-летнего Александра Михайловича — нейтрального наблюдателя, далекого от политики и вообще от двора, — вызывают больше доверия. Вот и вернемся к его воспоминаниям.

«На обратном пути из Зимнего Дворца мы были свидетелями новой ссоры между родителями:

— Что бы ты ни говорил, — заявила моя мать, — я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она — достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей императорской семьи называть Сашей твоего брата.

Отец вздохнул и в отчаянии покачал головой.

— Ты не хочешь понять до сих пор, моя дорогая, — ответил он кротко, — хороша ли она или плоха, но она замужем за государем. С каких пор запрещено женам называть уменьшительным именем своего законного мужа в присутствии других? Разве ты называешь меня "ваше императорское высочество"?

— Как можно делать такие глупые сравнения! — сказала моя мать со слезами на глазах. — Я не разбила ничьей семьи. Я вышла за тебя замуж с согласия твоих и моих родителей. Я не замышляю гибели империи.

Тогда настала очередь отца рассердиться.

— Я запрещаю, — он делал при этом ударение на каждом слове, — повторять эти позорные сплетни! Будущей императрице всероссийской вы и все члены императорской

¹² К. П. Победоносцев в 1881 году (Письма к Е. Ф. Тютчевой) // Река времен. Вып. 1. М., 1995. С. 182—183.

семьи, включая наследника и его супругу, должны и будете оказывать полное уважение! Это вопрос конченный!»¹³

Михаил Николаевич не зря упомянул наследника и его супругу. Именно они, а особенно Мария Федоровна, были самыми непримиримыми противниками княгини Юрьевской. Александр узнал о свадьбе своего отца только через полтора месяца, причем далеко не первым.

Александр II, желая хоть как-то наладить отношения со старшим сыном, пригласил его с семьей к себе в Крым. Хотел как лучше, а получилось даже не как всегда, а гораздо хуже. Княгиня Юрьевская с детьми жила уже не в «тайном домике», как в былые годы, а в Ливадийском дворце. Царь пытался подружить свою жену и жену наследника, а заодно и их детей. Вполне нормальное желание. Но в итоге чуть ли не ежедневно возникали ссоры и выяснения отношений.

Мария Федоровна описывает этот своеобразный отдых в несколько истерическом и полном высокомерия письме к матери: «Я плакала непрерывно, даже ночью. Великий князь меня бранил, но я не могла ничего с собой поделать... Мне удалось добиться свободы хотя бы по вечерам. Как только заканчивалось вечернее чаепитие и государь усаживался за игорный столик, я тотчас же уходила к себе, где могла вольно вздохнуть. Так или иначе, я переносила ежедневные унижения, пока они касались лично меня, но, как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это выше моих сил. У меня их крали, как бы между прочим, пытались сблизить их с ужасными маленькими незаконнорожденными отпрысками. И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детенышей. Между мной и государем разыгрывались тяжелые сцены, вызванные моим отказом отдавать ему детей. Помимо тех часов, когда они, по обыкновению, приходили к бабушке поздороваться. Однажды в воскресенье перед обедней в присутствии всего общества он жестко упрекнул меня, но все же победа оказалась на

¹³ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 51.

моей стороне. Совместные прогулки с новой семьей прекратились, и княгиня крайне раздраженно заметила, что не понимает, почему я отношусь к ее детям, как к зачумленным»¹⁴.

Кстати, Александр Александрович относился к детям Юрьевской, т. е. своим сводным братьям, гораздо лучше. Эти «незаконнорожденные отпрыски» вовсе не казались ему «ужасными». «Мальчик милый и славный и разговорчивый, а девочка очень мила, но гораздо серьезнее брата», — записал он в дневнике. Это, впрочем, ничего не значит. Просто Александр Александрович, будучи суровым со взрослыми, очень любил детей — и своих, и чужих. Но его впечатления от крымского отдыха были ничем не лучше, чем у жены. «Про наше житье в Крыму лучше и не вспоминать, так оно было грустно и тяжело!» — жаловался он младшему брату Сергею. Правда, тут же давал дельный совет: «Против свершившегося факта идти нельзя и ничего не поможет. Нам остается одно: покориться и исполнять желания и волю Папб»¹⁵. Вскоре, однако, не выдержали нервы и у Александра Александровича. Венчания царю показалось мало, и он решил короновать свою ненаглядную Катю. Как морганатическая супруга она не имела прав и привилегий, положенных членами императорской фамилии. Но после коронации становилась уже не светлейшей княгиней, а императрицей. А ее дети — великими князьями.

Александр II вспомнил про Петра I, который тоже короновал вторую жену, и тоже, кстати, Екатерину. В Москву специально послали чиновника, чтобы покопался в архивах и выяснил все подробности той коронации. Он выяснил, но вернулся обратно уже после убийства царя.

По словам высокопоставленного сановника Куломзина, «наследник объявил императору, что если состоится коронация Юрьевской, он с женой и детьми уедет в Данию, на что последовала со стороны Александра II угроза в случае

¹⁴ Кудрина Ю. Мария Федоровна. М., 2009. С. 109.

¹⁵ Там же. С. 108—110.

такого отъезда объявить наследником престола сына, рожденного от брака с Юрьевской, — Георгия»¹⁶.

Звучит, конечно, дико. Ведь помимо Александра у царя было еще четверо сыновей от первого брака. При чем здесь Георгий? Но Анатолий Николаевич Куломзин — человек серьезный, видный государственный деятель и ученый, не доверять ему нет никаких оснований.

Скорее всего, царь, что называется, ляпнул сгоряча. Романовы, как правило, были вспыльчивы. Но тем не менее. Какими же были отношения царя со всеми своими законными детьми, если он мог сказать такое! Причем это была далеко не единственная угроза. Ближайший в то время соратник царя Лорис-Меликов рассказывал фрейлине Александре Толстой: «Однажды в порыве гнева государь даже заявил наследнику, что отправит его вместе с семьей в ссылку». «Положение наследника становилось просто невыносимым, — вспоминает Толстая, кстати говоря, двоюродная тетка и близкий друг Льва Николаевича. — И он всерьез подумывал о том, чтобы удалиться "куда угодно"»¹⁷.

Трудно сказать, чем закончилась бы семейная распря. Конец этой истории положил Игнатий Гриневицкий. Брошенная им бомба оборвала жизнь царя-освободителя.

Смертельно раненого Александра II привезли в Зимний дворец. «Вид его был ужасен, — пишет присутствовавший при этом Александр Михайлович, — правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой — смотрел перед собой без всякого выражения». Только в этот трагический день — 1 марта 1881 года — члены семьи наконец поняли, что любовь княгини Юрьевской к Александру II была глубокой и искренней. «Княгиня Юрьевская вбежала полуодетая. Говорили, что какой-то чрезмерно усердный страж пытался

¹⁶ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 года // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 208.

¹⁷ Октябрь. № 6. 1993. С. 139.

задержать ее при входе. Она упала навзничь на тело царя, покрывая его руки поцелуями и крича: «Саша! Саша!» Это было невыносимо. Великие княгини разразились рыданиями».

Агония длилась 45 минут. Потом «лейб-хирург, слушавший пульс царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку».

— Государь император скончался! — громко промолвил он.

Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала, как подкошенная, на пол. Ее розовый с белым рисунком пеньюар был весь пропитан кровью»¹⁸.

Александр Михайлович не приукрашивает. Мария Федоровна, еще недавно метавшая в княгиню громы и молнии, написала матери: «Вид горя несчастной вдовы разрывал сердце. В один момент вся неприязнь, что мы к ней испытывали, исчезла, и осталось только величайшее участие в ее безграничном горе»¹⁹.

У гроба Александра II разыгралась сцена, достойная пера любимого Марией Федоровной Достоевского. Александр Александрович с женой, т. е. уже император Александр III и императрица, подошли к Юрьевской. «Некоторое время, показавшееся мне вечностью, — вспоминает генерал Мосолов, которого мы еще не раз будем цитировать, — обе женщины стояли лицом друг к другу. Если бы Мария Федоровна протянула ей свою руку, то княгиня обязана была бы сделать глубокий реверанс и поцеловать ее. Но внезапно княгиня упала в объятия своей свекрови, и обе женщины разрыдались». Любовь к покойному императору «смела прочь все правила этикета»²⁰.

Вдова Александра II и жена Александра III были ровесницами. Видимо, это и запутало Мосолова, назвавшего Марию Федоровну «свекровью». Свекровью-то как раз была

¹⁸ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 57—58.

¹⁹ Кудрина Ю. Мария Федоровна. М., 2009. С. 111.

²⁰ Мосолов А. А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900—1916. М., 2006. С. 75.

княгиня Юрьевская, а Мария Федоровна, наоборот, доводилась ей невесткой.

Трогательная сцена закончилась не слишком романтично. Порывав, женщины разошлись в разные стороны. Мария Федоровна отправилась на панихиду, куда допускались только члены императорской фамилии, а княгиня Юрьевская осталась ждать другой панихиды, для простых смертных. Ее, законную жену императора, так и не признали членом семьи.

А вскоре Александр III выделил светлейшей княгине годовое содержание в 100 тысяч рублей и намекнул, что видеть ее не желает. Юрьевская уехала в Ниццу, где и умерла в 1922-м, в возрасте 74 лет. Не самая, кстати, плохая судьба, если учесть, как закончили жизнь многие Романовы.

Но морганатические браки продолжали преследовать семейство Юрьевских. Несостоявшийся император Георгий Юрьевский закончил Сорбонну, потом вернулся в Россию и служил в гвардии. Женился на графине Зарнекау, дочери принца Константина Ольденбургского, тоже от морганатического брака. Их сын Александр, видимо, по примеру деда, под старость лет воспылал любовной страстью. В 56 лет он женился на швейцарке Урсуле Веер де Грюнек, и в 1961 году у них родился сын Георгий, правнук Александра II. Он жив и даже время от времени поговаривает о правах на российский престол.

Старшая дочь княгини Юрьевской Ольга в Ницце вышла замуж за графа Георга-Николая фон Меренберга, внука Александра Сергеевича Пушкина и сына герцога Нассауского, опять же от морганатического брака.

Младшая дочь сначала была замужем за князем Барятинским, а после его смерти — за князем Оболенским. В эмиграции они развелись, и дочь российского императора зарабатывала на жизнь концертным пением. Она дожила до 81 года и умерла в Англии в 1959 году.

Читатель вправе спросить, зачем я так подробно рассказываю о семейной склоке, которая закончилась в 1881 году и не имела продолжения. Объясняю.

За всей этой историей наблюдал мальчик Ники, будущий император Николай II. Тогда 12-летнего Ники веселило, что у него, оказывается, есть 8-летний дядя Гога. Но через 35 лет Николай окажется в точно такой же ситуации, как его дед. Накануне трагического 2 марта 17-го вся императорская семья ополчится против его жены Александры Федоровны так же, как накануне 1 марта 81-го ополчилась против княгини Юрьевской. Снова из всех дворцовых щелей поползут слухи, сплетни, клевета.

Морганатическая супруга и законная императрица. Ловелас Александр и примерный семьянин Николай. Казалось бы, ничего общего. Но только на первый взгляд. Претензии, предъявляемые их женам, будут одни и те же: происхождение и вмешательство в политику.

Княжна Долгорукая была «низкого» происхождения. И никто не вспоминал, что она вообще-то Рюриковна. В отличие, кстати, от Романовых. В «высоком» происхождении Александры Федоровны никто, конечно, не сомневался. Но она была «немка», а значит, не могла не сочувствовать врагу. Ведь Россия вела с Германией войну. И опять же никто не вспоминал, что Александра Федоровна — внучка королевы Виктории и двоюродная сестра «союзного» английского короля Георга V. Никто из Романовых не вспоминал, что все они потомки Екатерины II и Петра III, то есть принцессы Ангальт-Цербстской и герцога Гольштинского. И почти у каждого из них мать — немецкая принцесса.

Великосветские сплетники рассказывали байки, что Долгоруковы/Долгорукие — проклятье дома Романовых. Когда-то Петр II обручился с Екатериной Долгоруковой (опять же — Екатерина!), после чего тут же заболел и умер. Через много лет другие великосветские сплетники болтали, что Гессен-Дармштадтские — проклятье для всех, ведь они передают гемофилию.

Как видим, происхождение — вовсе не главное. Ведь и первая жена Александра II — Мария Александровна — была внебрачной дочерью герцога Гессенского, и об этом

прекрасно знали во всех европейских дворах. Но Николай I дал согласие на брак, и никто уже не смел слова пикнуть. Другое дело, когда есть желание и возможность позлословить. Тогда изъяны в родословной найдутся у кого угодно. А уж у Романовых, кстати говоря, — в первую очередь. Павел I, вполне вероятно, родился от графа Салтыкова. Есть даже версия, что Екатерина родила мертвого ребенка, которого подменили другим, взятым у финских крестьян.

Известный историк Я. Л. Барсков после революции рассказывал, как однажды его вызвал Александр III и, плотно закрыв дверь, спросил, чьим сыном был Павел I.

— Не исключено, что от чухонских крестьян, — честно ответил историк, — но, скорее всего, он сын графа Салтыкова.

— Слава тебе господи, — сказал Александр III, перекрестившись, — значит, во мне есть хоть немного русской крови.

Есть подозрение, что сын Павла Николай I был рожден от гоф-фурьера Бабкина. Обо всем этом, если интересно, можно прочитать в книге замечательного историка и скрупулезного источниковеда Натана Эйдельмана²¹.

И Юрьевскую, и Александру Федоровну ненавидели прежде всего за вмешательство в политику. Про княгиню говорили, будто она покровительствовала графу Лорис-Меликову. Что было вполне справедливо. Действительно, покровительствовала.

В конце царствования Александра II Михаил Лорис-Меликов добился исключительного положения в российской властной иерархии. После взрыва в Зимнем дворце он назначается главным начальником Верховной распорядительной комиссии. По сути, диктатором. Все государственные органы должны были оказывать Комиссии «полное содействие». Все распоряжения главного начальника «должны подлежать безусловному исполнению и соблюдению всеми и каждым». Правда, уже через полгода Комиссию закрыли,

²¹ Эйдельман Н. Я. Секретная династия. М., 2008. С. 176—208.

а Лорис-Меликов стал министром внутренних дел. Впрочем, с самыми широкими полномочиями.

Он пытался беспощадно бороться с террористами, но при этом найти общий язык с умеренно-либеральной частью общества. Победить террористов не получалось, договориться с либералами — тоже. Ситуация ухудшалась с каждым днем. Во всем винили незадачливого диктатора. Он, мол, попустительствует террористам, а возможно, даже сам с ними связан. Да к тому же «стал послушным орудием в руках княгини Юрьевской»²². И ладно бы только он. Но ведь сам царь «очутился в рабском подчинении княгини Юрьевской»²³. Как ни крути, во всех бедах виновата она.

Александра Федоровна окажется как бы в зеркальной ситуации. Если Юрьевская была виновата в либерализме, то Александру Федоровну, наоборот, обвинят в реакционности, в нежелании идти на уступки общественному мнению. Но сути дела это не меняет. Снова всех собак повесят на жену царя. Она назначает не тех министров и вертит ими, как захочет. Царь, разумеется, «в рабском подчинении». Даже слова будут те же. Травля Александры Федоровны была отрететирована на княгине Юрьевской. Другими, естественно, людьми, но теми же омерзительными методами.

Их высочества далеко не всегда являлись верной опорой престола. Более того, они являлись этой опорой только тогда, когда глава семьи держал их в «ежовых рукавицах». Как именно — об этом в следующей главе.

²² Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 54.

²³ Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 196.

Глава II

В большом респекте

«Император Александр III вообще шутить не любил и держал всю царскую семью в большом респекте», — писал в воспоминаниях Сергей Витте. Очевидно, под «респектом» Витте понимал не «уважуху», как нынешние рэперы, а как раз «ежовые рукавицы»: «он держал всех великих князей и великих княгинь в соответствующем положении; все его не только почитали, уважали, но и чрезвычайно боялись»¹.

Добиться такого смирения новому императору было не просто. Его отцу — Александру II — в какой-то степени повезло с родственниками. Когда он взошел на престол, все великие князья были его детьми, младшими братьями или племянниками. Император был не только официальным главой семьи, но и старшим мужчиной в доме Романовых.

Александру III «по наследству» достались дяди. Они были старше, опытнее, занимали видное положение.

Прежде всего это относится к великому князю Константину Николаевичу, второму сыну Николая I. Честно говоря, не понимаю, почему этот выдающийся государственный деятель до сих пор как-то обойден вниманием. Уж во всяком случае он наработал на серию «Жизнь замечательных людей» не меньше, чем его дядя Константин Павлович или

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 164.

его сын Константин Константинович, которые удостоились этой чести.

Константин родился в 1827 году и был на 9 лет младше Александра II. Однако братья были близки. Константин блестяще учился, быстро вырослел и вообще талантом, характером и целеустремленностью превосходил старшего брата. Поэтому-то Александр и Константин были близки, но без сердечности. Старший брат ревниво относился к успехам младшего. Константин был образованнее. Говорили, что именно по этой причине Александр II, став отцом, заботился об образовании только старшего сына. Не хотел, чтобы с его первенцем повторилась та же история, что и с ним самим.

Константин с детства был честолюбив. Он знал, что Екатерина Великая назвала своего внука Константином не просто так. Она мечтала разгромить Османскую империю, восстановить Византию и посадить его на престол в Константинополе. Однако Константин Павлович в итоге оказался не императором в Константинополе, а наместником в Варшаве. По иронии судьбы, тот же путь пройдет и Константин Николаевич. Хотя ребенком он грезил о Константинополе и даже разработал план его захвата, отец охладил пыл не в меру воинственного сына.

Николай I решил, что его второй сын должен командовать флотом и произвел четырехлетнего Константина в генерал-адмиралы — высшее воинское звание, соответствует фельдмаршалу. Через год подумали, что генерал-адмиралу неплохо было бы обучиться морскому делу, и определили в учителя Федора Литке, известного мореплавателя, адмирала, ученого, будущего президента Академии Наук. Шестнадцать лет Литке учил великого князя и превратил в грамотного, толкового моряка. Отношения между учителем и учеником не прерывались до самой смерти Литке в 1882 году.

В 1849-м Константин участвовал в Венгерском походе, а проще говоря, в подавлении венгерской революции. Его письма отец назвал лучшими отчетами, которые ему доводилось читать. Константин получил орден Св. Георгия

4-й степени, был назначен в Государственный совет и возглавил комиссию по составлению нового Морского устава. Ему в это время всего 23 года.

Став императором, Александр II тут же поручает брату управление всеми морскими делами. Должность, конечно, почетная, но, как сейчас говорят, расстрельная. Крымская война показала, что русский парусный флот может побеждать только турок, с флотом же великих европейских держав не идет ни в какое сравнение. Его нужно было возродить с нуля.

Константин с ходу принялся за дело: отменил во флоте телесные наказания, улучшил условия службы и подготовку морских офицеров. При нем флот из парусного стал паровым, а из деревянного начал превращаться в броненосный. Денег на перевооружение вечно не хватало, великий князь тратил свои.

«Нет ни одной ветви управления в России, в коей произведено было бы в последние годы столь много реформ. Морское министерство являет в русской администрации зрелище европейского оазиса в азиатской степи»². Это мнение князя Петра Долгорукова дорогого стоит. Дело не только в его исключительной осведомленности о тайнах российского двора. Князь — политический эмигрант, озлобленный памфлетист, приятель Герцена, который вообще-то ко всем соратникам Александра II относился с нескрываемым презрением.

В советские времена заслуги Константина Николаевича в деле возрождения флота замалчивались, нынче же возносятся до небес. Его сравнивают аж с Петром I. Константин действительно преуспел в административных преобразованиях, а вот в судостроении успехи оказались гораздо скромнее. К этому мы еще вернемся.

В любом случае, возрождение флота не главное дело в жизни великого князя. Константин всегда был сторонником

² Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934. С. 321.

отмены крепостного права. И доказал это на деле, освободив своих крестьян. В отличие от Александра II, который, будучи наследником, об отмене крепостного права и не думал. Именно Константин убедил брата начать реформу и «все время был его советником, вдохновителем и руководителем». «Без всякого сомнения, русские крестьяне обязаны Константину Николаевичу и своею свободою, и своими земляными наделами»³.

Мы привыкли думать, что при отмене крепостного права обидели крестьян. Но почти все помещики считали ровно наоборот: они были уверены, что оскорбили и разорили именно их. Ненависть к вдохновителям реформы просто зашкаливала. Александр II, как часто с ним бывало, проявил слабость и, грубо говоря, сдал своих соратников. Их отправили в отставку, а Константина — от греха подальше — путешествовать по Европе.

Но вскоре вернули. И назначили на очередную расстрельную должность. На этот раз расстрельную в прямом смысле слова — наместником в бурлящую Польшу. Уже на второй день в него стреляли. «Только сел в коляску, — описывает покушение сам великий князь, — выходит из толпы человек, я думал — проситель. Но он приложил револьвер мне к груди в упор и выстрелил. Его тотчас схватили. Оказалось, что пуля пробила пальто, сюртук, галстук, рубашку, ранила меня под ключицей, ушибла кость, но не сломала ее, а тут же остановилась, перепутавшись в снурке от лорнетки с канителью от эполет»⁴.

В Польше Константин Николаевич успехов не снискал. Его примирительная политика никого не устраивала. Началось восстание, для подавления которого либерально настроенный великий князь явно не годился. В октябре 1863 года Константина отозвали.

³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934. С. 321.

⁴ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб., 1993. С. 263.

Но уже через два года царь назначил брата председателем Государственного совета. Государственный совет — законосовещательное учреждение, которое могло одобрить законопроект, могло не одобрить — юридически это не имело никакого значения. Но Александру II хотелось, чтобы его проекты одобрялись, и желательно, единогласно. Константин играет во всем этом несколько странную роль. Он проталкивает либеральные законы, что не так-то просто. В Госсовет обычно назначали отставных сановников. В то время это были люди эпохи Николая I. Мягко говоря, консерваторы. Константин Николаевич обеспечивал большинство. Грубо обрывая и резко останавливая несогласных. В общем, парламент — не место для дискуссий.

Константина Николаевича называли деспотом. Причем такие разные люди, как либеральный князь Петр Долгоруков, консервативнейший граф Сергей Шереметев и умеренный статс-секретарь Александр Половцов.

Характер у великого князя был не сахар. Насмешливый, резкий, вспыльчивый по природе, он более всего отталкивал своим высокомерием. «Говорил он отрывисто, резко, щеголял простою и грубою речью», и даже «монокль в его глазу придавал физиономии его вызывательное выражение»⁵. У него «довольно дерзкая и бесцеремонная манера рассматривать людей в монокль, пронизывая вас жестким, но умным взглядом»⁶.

Не лишенный психологической наблюдательности, князь Долгоруков по-своему объясняет характер Константина Николаевича. На него с детства сыпались упреки: Костя скучен, Костя — педант. Это озлобило юного великого князя, а «полубожеские почести, воздаваемые отцу его подлыми царедворцами, внушили ему глубокое презрение к людям»⁷. Звучит правдоподобно.

⁵ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 136.

⁶ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 150.

⁷ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934. С. 318—319.